

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

8—15 июня 1990 г. в Алма-Ате состоялся III советско-турецкий коллоквиум на тему «Древнетюркские рунические памятники: язык, литература, культура, история, археология», организованный Советским комитетом тюркологов (СКТ) и АН КазССР. Коллоквиум явился первым международным научным мероприятием, посвященным древнетюркским руническим памятникам. Вступительное слово произнес заместитель председателя СКТ Т. Д. Меликов (Москва). Он обозначил цели и задачи коллоквиума: определение круга решенных проблем рунологии и вопросов, для разработки которых необходима координация действий ученых двух стран.

Было проведено четыре заседания, по темам которых были сгруппированы доклады участников. Первое заседание «Древнетюркский рунический алфавит: проблемы и гипотезы» открылось докладом «К вопросу о распространении тюркского „рунического“ алфавита» А. М. Щербак (Ленинград). Приведя существующие мнения относительно места и времени возникновения рунического алфавита, автор делает вывод, что руническое письмо зародилось в Южной Сибири, в период второго Тюркского каганата (конец VII — начало VIII вв.). Особую значимость представляет вопрос распространения древнетюркского алфавита в Восточной Европе. Несомненная связь восточнославянских руи с орхон-енисейскими памятниками, причем посредником между этими письменами являются таласские руны, в частности, «таласская палочка», чтение которой до сих пор остается сомнительным. А. М. Щербак, показав возможные способы дешифровки, призвал тюркологов к усиленному изучению тюркских рунических памятников, обнаруженных в Европе, и предложил подготовить атлас этих текстов.

О. Н. Туна (Малатья) в докладе «Лигатуры в древнетюркской письменности» предлагает свой вариант образо-

вания лигатур из отдельных знаков рунического алфавита и делает попытку атрибуции тех лигатур, чтение которых оставалось проблематичным.

Большой интерес вызвал доклад И. Л. Кызласова и Л. Р. Кызласова (Москва) «Новая руническая письменность саяно-алтайских тюрков». Авторы отмечают, что в бассейне Верхнего Енисея, наряду с древнетюркскими памятниками, написанными хорошо известным вариантом рунического письма, обнаружено 17 граффити, главным образом наскальных, сходных по составу знаков с восточнославянской руникой. По мнению авторов, руническое письмо данного типа, именуемое ими «южноенисейское», зародилось в бассейне Верхнего Енисея и существовало в качестве альтернативного варианта енисейского рунического письма.

О. Ф. Сертка (Стамбул) в докладе «Рукописные древнетюркские тексты и алфавит», вновь обращаясь к опубликованной А. фон Лекоком манихейской рукописи из Турфана, где указаны соответствия между некоторыми знаками манихейского письма и рунического алфавита, а также сопоставляя ее с рукописью, хранящейся в коллекции Рюкюского университета (Япония), в которой изображен ряд рунических графем, уточняет количество, порядок расположения и названия знаков древнетюркского алфавита. Наличие таких текстов, написанных на бумаге, а также большого числа бытовых предметов, украшенных древнетюркскими надписями, позволяет автору сделать предположение о том, что уровень грамотности тюрков раннего средневековья был высоким и обучение велось относительно широко.

Проблему возникновения древнетюркского алфавита также пытается решить А. Шюкюрюлю (Баку) в докладе «Орфографические особенности знаков, обозначающих согласные звуки, в древнетюркском алфавите». В рунических памятниках отмечается явление, когда в словах с велярными гласными в опреде-

ленных позициях вместо ожидаемого «велярного» знака для согласного используется знак, коррелирующий с палатальным согласным. Если это явление, говорит автор, рассматривать как орфографические ошибки, то, по статистическим наблюдениям, наименьшее количество «ошибок» зарегистрировано в памятниках бассейна р. Енисей, а по мере удаления от этого региона «ошибки» количественно возрастают. Следовательно, заключает А. Шюкюрлю, руническая письменность возникла среди тюркских племен, обитавших в бассейне р. Енисей.

Второе заседание было посвящено теме «Древнетюркские рунические памятники: распространение в Азии и Европе и проблемы дешифровки». С. Г. Кляшторный (Ленинград) прочитал доклад «Имя царского рода тюрков в орхонских памятниках». Китайская хроника повествует о появлении в V в. в Восточном Тянь-Шане племена во главе с родом *ашина*, который впоследствии стал династийным родом Восточного и Западного тюркских каганатов. В древнетюркских рунических памятниках этот этноним не встречается. Развивая свою гипотезу, выдвинутую в 1964 г., а также признавая безусловность гипотезы Х. В. Хауссита (1969) и К. Беквиса (1980), С. Г. Кляшторный предполагает этимологию на основе хотанско-сакского языка, в котором, как и в ряде родственных ему иранских языков, искомая форма имеет значение «синий». Данная этимология является фонетически и семантически безупречной, поскольку цветовые обозначения были характерны для древней царской ономастики Восточного Туркестана. Автор отмечает, что этнополитоним *kök türk* является тюркской калькой более древнего «ашина и тюрки», где иранское по происхождению *ашина* «синий» передано соответствующим тюркским словом. Тем самым констатируется присутствие в текстах имени царского рода тюрков и возможное осознание ими двусоставного характера тюркского племенного союза времен первых каганов.

С. Я. Байчоров (Черкесск) в докладе «Древнетюркские рунические памятники Европы» изложил основные положения своей одноименной монографии, представляющей собой публикацию 156 граффити, которые автор относит к рунической письменности северокавказского ареала и сопоставляет с надписями волго-донского и дунайского регионов. Ключом к дешифровке исследуемых памятников автор считает тексты Хасаутского могильника, выполненные, по его мнению, руническим и уйгурским письмом. В результате параллельного исследования и сопоставления их с памятниками других ареалов автор реконструирует алфавит

и определяет принципы древнетюркской орфографии. С. Я. Байчоров полагает, что в северокавказских памятниках нашли отражение три основных диалекта и один промежуточный диалект языка древних булгар, и, по мнению автора, рунические надписи дунайского, волго-донского и северокавказского ареалов являются памятниками булгарских диалектов.

И. В. Кормушин (Москва) в докладе «Поправки к чтению енисейских рунических памятников» предложил уточнения чтений фрагментов ряда древнетюркских текстов на основе проведенных им палеографических и текстологических исследований памятников Южной Сибири.

В докладе «Являются ли надписи в честь Кюль-тегина записью текста выступления» А. Б. Эрджиласуи (Анкара), исследовав стиль языка текста, выделяет следующие стилистические обороты, характерные, по его мнению, для тюркской устной речи: прямые обращения, предложения-обращения, вопросительные предложения и др. Это позволяет автору выдвинуть гипотезу, что памятник в честь Кюль-тегина есть запись речи Бильге кагана, и, таким образом, памятник является первой зафиксированной тюркской речью, в отличие, например, от памятника в честь Тонъюкука, который является образцом письменного языка.

А. С. Аманжолов (Алма-Ата) в докладе «Тюркская руника Казахстана» перечислил ряд граффити, обнаруженных на территории Казахстана, которые, по его мнению, являются древнетюркскими руническими надписями. Их число, отметил докладчик, уже более двадцати, среди которых наскальные надписи, надписи на каменных, глиняных и бронзовых предметах. Большой интерес представляет руническая надпись на серебряном браслете, обнаруженном в Павлодарской области Казахстана. Опираясь на свою интерпретацию письменных знаков, докладчик подчеркнул важность новых эпиграфических находок для решения проблем истории древнетюркской письменности.

Теме «Проблемы грамматики древнетюркского языка» было посвящено третье заседание коллоквиума. В докладе «Придаточное предложение в орхонских памятниках и типы связей главного и придаточного предложений» М. Тулум (Стамбул), пояснив свои дефиниции сложного предложения, главного и придаточного предложений, выделяет следующие типы связей компонентов сложного предложения в древнетюркском языке: условный, причинный, причинно-результативный, временной, цели и намерения, противоположности, количественного и

качественного сравнения, вида состояния и движения.

В докладе А. Е. Раджабова (Баку) «Некоторые проблемы орхоно-енисейских памятников» было отмечено, что при переизданиях и в новых публикациях, посвященных памятникам древнетюркской письменности, повторяются ошибки, допущенные при их первых изданиях. Пагубность подобной практики сказывается на новых исследованиях и, главным образом, при преподавании курса «Язык древнетюркских памятников», столь популярного в последнее время на филологических факультетах вузов тюркоязычных республик. Автор призвал к упорядочению транскрипции и транслитерации, предложил свои решения некоторых спорных моментов древнетюркской фонологии, в частности, вопросов различия гласных /ä/, /ə/ и /e/ и «древнетюркской долготы», а также заострил внимание на проблеме перевода ряда слов, словосочетаний и поговорок.

З. Коркмаз (Анкара) в докладе «Аффиксы отменного глагольного словообразования и структура корней в языке древнетюркских памятников» проводит мысль о том, что отмечающиеся в текстах древнетюркских памятников аффиксы отменного глагольного словообразования некогда были самостоятельными или вспомогательными глаголами. В качестве примера приводятся аффиксы *-ad- / -ed- (<*a-d-), -r- (<*er-), -sa- / -se- (<*sa-), -si- / -si- (<*si-)*. Автор полагает, что грамматикализация лексем является общим явлением для всех тюркских языков.

Н. Хаджиэммиоглу (Эдирне) в докладе «Грамматический строй древнетюркского языка и формант отглагольного именного словообразования -I» на основе анализа лексикон опубликованных текстов древнетюркского периода и современных языков предлагает систему разложения односложных древнетюркских глаголов на значимые составляющие, а также подробно рассматривает функцию форманта отглагольного именного словообразования -I.

В докладе «Древние тюркские элементы в системе языка: проблемы реконструкции» Е. З. Кажиев (Алма-Ата) настоятельно призывает тюркологов к дифференциации древних тюркских срезов различной глубины и соответствующих им терминов: прототюркский, пратюркский, древнетюркский, среднетюркский, старотюркский, явлений общетюркских и мектюркских. Данная классификация базируется не на хронологии, но на фактах эволюции системы языка. По мнению автора, тюркологам предстоит хронологизировать фоно-корреляты — конкретные чередования и соответствия, а также, возможно, морфоло-

гические явления, синтаксические модели, семантические характеристики слова-типа. Отдельные примеры корней с открытым слогом типа Г, СГ, СГСГ и т. д. в языке древнетюркских памятников представляют собой образец использования исторически реальных древних фактов для аргументирования еще более древних феноменов в современных тюркских языках. Для реконструкции пратюркского состояния необходимо совмещение методов внутренней и внешней реконструкции с апробацией на уровне промежуточных праязыков.

Доклад Г. Гюльсевича (Малатья) «Следы чувашского, якутского и халаджского языков в языке древнетюркских памятников» посвящен месту чувашского, якутского и халаджского языков в генеалогической классификации тюркских языков (приложена таблица) и предположительному времени их отделения от общетюркского. Основываясь на фонетических, морфологических и лексических особенностях рассматриваемых языков в сравнении с языком рунических памятников, автор полагает, что прачувашский и праякутский языки существовали как самостоятельные языки еще в орхоно-енисейский период.

На заседании по теме «Древнетюркские рунические памятники: история, литература и фольклор» были заслушаны доклады Д. Аксана (Анкара) «Поэтика древнетюркских памятников», С. С. Сакоглу (Конья) «Параллельные мотивы в древнетюркских рунических памятниках и в анатолийском фольклоре», Т. Байкара (Измир) «Древнетюркские памятники и история расселения тюрков», Ш. Ибраева (Алма-Ата) «Принципы систематизации общих мотивов в древнетюркских рунических памятниках и в казахском фольклоре».

Большое внимание, уделяемое тюркологами разных стран изучению древнетюркских рунических памятников, объясняется их особым значением для истории и культуры всех тюркских народов. Рекомендации, зафиксированные в резолюции III советско-турецкого коллоквиума, направлены на объединение усилий ученых двух стран для сохранения и исследования этих памятников: предполагается издать атлас всех известных на сегодняшний день памятников, заново транскрибировать и перевести их, и на этой основе вести дальнейшие филологические и исторические исследования. Участники коллоквиума обратили внимание на необходимость принятия срочных мер для музейного хранения памятников (некоторые из них находятся в критическом состоянии), а также поддержали предложение провести в 1993 г. в Туве и Хакасии международный семинар, посвя-

щенный 100-летию расшифровки знаков древнетюркского рунического алфавита Вильгельмом Томсоном.

Проведение коллоквиума по проблемам тюркологии в столице Казахстана будет способствовать дальнейшему развитию тюркологии в республике, и в частности — ускорит создание Тюркологического центра в Алма-Ате.

4—6 июня 1990 г. в Москве проходила V Всесоюзная конференция по китайскому языкознанию, организованная Институтом языкознания АН СССР и Отделом языков Института востоковедения АН СССР.

В работе конференции приняли участие сотрудники и аспиранты научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Бишкека, Ташкента, Читы, Новосибирка, ученые из КНР и СРБ.

Во вступительном слове председатель Оргкомитета конференции директор Ин-та языкознания чл.-корр. АН СССР В. М. Солицев (Москва) отметил роль китайского языка для общего языкознания. Именно китайский язык дал возможность сделать уточнения в определении общей категории частей речи и подойти к ним с точки зрения классов слов, отличающихся грамматическими свойствами. Удалось показать, что части речи — это классы слов, не обязательно связанные с морфологией. В. М. Солицев выразил удовлетворение тем, что в Советском Союзе идет рост исследований по китайскому языку. Им была отмечена также важность контактов с китайскими учеными.

В докладах и выступлениях рассматривались различные аспекты китайского языка в плане общей теории значения, структурной организации его единиц на разных уровнях; приводились данные грамматического, семантического, акустического анализа; уточнялись типологические характеристики. Исходным материалом для анализа являлись как современное состояние языка, так и его история [см. подробнее: Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы V Всесоюзной конференции (Москва, июнь, 1990 г.). М., 1990].

В. И. Горелов (Москва) рассмотрел некоторые вопросы ономастологии. Он проанализировал различные наименования с точки зрения присущей им внутренней формы и способов номинации, выделив при этом в качестве важной ономастологической особенности китайского языка ясность внутренней формы многосложных слов и образность номинации.

В. М. Солицев в докладе «О характере значения существительных в ки-

тайском языке» привел факты, показывающие способность существительных китайского и других формоизолирующих языков обозначать без счетных слов как отдельные предметы, так и совокупности их. Это объясняется природой значений существительных, большинство из которых не имеет форм числа, в то время как в русском и других языках, имеющих формы ед. и мн. числа, эта способность закреплена за формой ед. числа. Появление счетных слов было обусловлено потребностью эксплицитного выражения шутности, единичности, определенности предметов.

Значительный интерес вызвал доклад китайского профессора Чжан Чжи (Яньтай) «Общепринятое и специфическое в лексико-семантической системе языка». Он исходит из наличия в лексической системе семантических полей и лексических рядов, каждая единица лексического ряда занимает свое место в семантическом поле. Чжан Чжи дал характеристику общему и специфическому названию объектов внеязыковой действительности с учетом их взаимосвязи, временной последовательности и исторического развития.

В центре внимания участников конференции оставались и такие базовые для китайского языкознания проблемы, как особенности грамматического строя китайского языка, характеристика его морфологических форм и способов словообразования. В докладе Тань Аошун (Москва) «Категория отрицания в китайском языке» исследовались два способа выражения отрицания: при помощи отрицательных частиц *бу* и *май* и сфера их действия. Т. Н. Никитина (Ленинград) рассмотрела переходные и непереходные глаголы в китайском языке, отметила отсутствие согласия у исследователей китайского языка при решении общей проблемы переходности, что вызвано, по ее мнению, «некоторой мнимостью самой проблемы».

В докладе «Грамматическая роль и соотношение синтаксических средств организации подчинительных структур в китайском языке» Е. И. Шуговой (Москва) устанавливаются два функциональных типа формально-синтаксических средств: 1) прямой, 2) непрямой, или частеречной, синтаксической значимости. Та-

Сарыбаев К. Ш. (Алма-Ата)

кого рода характер распределения функциональных сфер употребления синтаксических средств является отражением специфического для китайского языка грамматического механизма взаимосвязи синтаксического и лексико-грамматического уровней, категорий синтаксиса и категорий слов (частей речи). В докладе Н. В. Солицевой (Москва) «К вопросу о контроле агенса над действием» отмечалось, что в китайском языке агентивное начало представлено очень широко, воздействие агенса фактически распространяется на весь строй предложения и прежде всего осуществляется через соположение подлежащего — агенса со сказуемым. Кроме того, китайский язык небезразлично относится к тому, чем выражен агент. Автор доклада нарисовал сложную картину взаимодействия агентов разных рангов с группой сказуемого. Соотносительность подлежащего и сказуемого уходит корнями в лексику и в корреляты одушевленности / неодушевленности.

Результаты исследований особенностей именной суффиксации на материале нормативного словаря современного китайского языка «Сяньдай ханьюй цидянь» (1979) доложил А. А. Беликов (Москва). Общее количество статей, содержащих единицы с суф. *-чи* или *-эр*, — 3162, комбинированное употребление суффиксов не характерно (только 6 с двойной суффиксацией). Л. Н. Морев (Москва) остановился на типологически существенных различиях, касающихся порядка слов в китайском и тайском языках на территории Китая.

Целая серия докладов была посвящена особенностям лексической системы современного китайского языка. Так, широко распространенное явление двух форм существования слова рассмотрела И. Б. Кульчицкая (Москва), показавшая возможность оценки обоих членов пары в качестве лексических вариантов в том случае, если они квалифицируются как словесные единицы. В докладе М. В. Софронова (Москва) исследовались трехчленные лексические единицы с точки зрения их грамматической и семантической структуры. Описание референта, выполненное с помощью трехлога, позволяет идентифицировать его с большей точностью по сравнению с бинемом. Неаддитивные трехлоги представляют собой редкое явление в лексике современного китайского языка. Автор отметил факты гаплогонии при устранении плеонастической морфемы.

Слова со своей семантической структурой весьма разнообразны. Существуют употребительные слова, насчитывающие более десятка или даже несколько десятков значений. Именно они представляют

наибольшую трудность для лексикографической разработки. О своем подходе к решению этого вопроса рассказала А. Л. Семенов (Москва), выделив особо те случаи, когда многозначность является следствием перевода, а не объективно присущей слову данного языка.

В ряде докладов сообщалось об изучении отдельных групп лексики и ее элементов. Т. В. Куцай (Москва) исследовала семантическое поле глаголов со значением «брать», выделяя семантические признаки местонахождения предмета и способа действия. Использовалась методика идентификаторов на основе словарных дефиниций. Лексико-семантическая группа движений, насчитывающая 500 глаголов, выделялась О. П. Фроловой (Новосибирск) на основе двух критериев: направления и способа действия, которые могут проявляться как совместно, так и порознь. Н. В. Денисова (Москва) рассмотрела одно из значений лексемы *е* («тоже, также, и») и ее корреляты в русском языке, показав сферу действия, необходимые и факкультативные валентности данной лексемы. А. А. Каримов (Ташкент) доложил о своем опыте диахронического изучения счетных слов в древнекитайском языке, выделив основные модели их употребления для количественного выражения имен и глаголов, что необходимо для лучшего понимания природы и специфики этого явления в современной лексике.

Внутренней форме китайских иероглифов и простречности ее основных свойств был посвящен доклад В. Ф. Резаненко (Киев). Особенности семантико-графической структуры иероглифического знака является одним из важных факторов, способствующих сохранению и применению иероглифики в Китае и некоторых других странах Юго-Восточной Азии. Е. Н. Румянцев (Москва) сообщил о некоторых фактах из истории реформы китайской письменности, имевших место накануне победы народной революции в Китае. Вопросы типологии и функционирования китайского архаичного письма были темой сообщения С. Н. Шевцова (Москва). О работе по исследованию специфических особенностей тибетского письма и систематическому анализу его основной единицы — силлабограммы доложила И. Н. Комарова (Москва). В своем подходе она исходит из идеи соотношения графического и фонологического слогов на парадигматическом уровне.

На конференции была представлена также серия докладов, посвященных фонетико-фонологической системе китайского языка. А. М. Карапетянц (Москва), проанализировав распределение слов по длине и фонологию легкого

тона, пришел к выводу, что односложность — это признак «центральнойности» слова, двусложность характеризует мало распространенную лексику, а трехсложность свойственна периферии языка. Двуслоги с легким тоном можно считать словами «полудурной» длины. Постсиллабизацию следует относить к речевым фактам, приводящим к появлению слогов, системой китайского языка не предусмотренных. М. Х. И м а з о в (Бишкек) в докладе «О просодических смыслоразличительных средствах в дунганском языке» привел две разные характеристики тонов. Функция тонов в основном смыслоразличительная. Кроме того, в качестве средства семантического различения двусложных и многосложных слов выступает ударение.

Построение типологической теории фонологической системы китайских диалектов возможно осуществлять на основе сравнения сильноконтрастных живых фонетических систем китайских диалектов. К таковым относятся, в частности, шанхайский, мэйсяньский и пекинский. Именно на этом материале проводились исследования А. Н. А л е к с а н д р о в а (Москва) инспираторных гласных в фонетических системах и их фонетических корреспондентов — ретрофлексных гласных.

На материале указанных выше трех диалектов опыт акустического анализа разнотональных гласных провели А. Н. А л е к с а н д р о в а и К. И. Д о л о т и н (Москва). В докладе Р. А. Я н с о н а (Ленинград) говорилось о терминологическом и понятийном аппарате слоговой фонологии, представленной в трудах исследователей китайского, тайского, бирманского языков.

Кроме теоретических докладов, на конференции обсуждались различные вопросы, касающиеся прикладной лингвистики, практики преподавания китайского языка. В. П. М е н ь ш и к о в (Киев) сообщил об опытах по интенсификации обучения китайскому языку. Циклическое построение учебного процесса, психологическая подготовка учащихся к введению большого по объему материала создают благоприятные условия для дальнейшей творческой работы.

Обсуждение представленных на конференции докладов отразило возросший уровень исследований советских ученых по китайскому языкознанию.

Очередную, VI конференцию по китайскому языкознанию предполагается провести в г. Москве в 1992 г.

Семенов А. Л. (Москва)